

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.1637

Правильная ссылка на статью:

Трегубова Н. Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма в режиме онлайн // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.

For citation:

Tregubova N. D. (2020) Transnational Migrants in the Internet: Theoretical Foundations for Studying Transnationalism Online. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.

Н. Д. Трегубова
**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИГРАНТ В ИНТЕРНЕТЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА В РЕЖИМЕ ОНЛАЙН**

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИГРАНТ В
ИНТЕРНЕТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНО
ВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНА
ЦИОНАЛИЗМА В РЕЖИМЕ ОНЛАЙН

TRANSNATIONAL MIGRANTS IN THE IN
TERNET: THEORETICAL FOUNDATIONS
FOR STUDYING TRANSNATIONALISM
ONLINE

ТРЕГУБОВА Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

Natalia D. TREGUBOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor, Chair of Comparative Sociology
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Цель настоящей статьи — определить теоретические основания ответа на вопрос: можно ли стать транснациональным мигрантом в интернете, не пересекая национальных

Abstract. The paper provides a theoretical foundation to address the question whether it is possible to become a transnational migrant while using Internet resources, i.e. to be a transnational

границ? Автор приводит аргументы, которые уточняют смысл вопроса и намечают возможные ответы на него: если да — то в каком смысле, если нет — то по каким причинам? Статья включает определение транснационализма, характеристики транснациональной миграции, обоснования теоретической и эмпирической значимости распространения онлайн-технологий для изменения транснационализма. Автор дает дефиниции понятий «интернет», «всемирная паутина», «кибер», «виртуальный», «онлайн» и «офлайн» и проводит разграничение между ними. Основываясь на социологии пространства А. Ф. Филиппова, автор предлагает три возможных ответа на вопрос о том, является ли интернет пространством: 1) интернет пространственно не организован, но пространство в интернете может быть тематизировано; 2) в интернете существуют пространства, где люди являются участниками и наблюдателями социальных взаимодействий; 3) интернет представляет собой пространство (а именно пространство возможных маршрутов). На основании сформулированных положений обосновываются два типа транснационализма в режиме онлайн: транснационализм маршрутов и транснационализм мест взаимодействий. В заключение сделан вывод, что их наиболее плодотворно рассматривать в качестве идеальных типов транснационализма.

Ключевые слова: транснационализм, транснациональная миграция, интернет, онлайн-пространство, социология пространства

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-78-10049.

migrant yet not to cross national borders. The author puts forward the arguments clarifying the essence of the question and outlines possible answers to it. The paper starts with a review of definition of transnationalism, updates the notion of transnational migration and outlines the importance of online technologies for dynamics of transnationalism. The author defines and distinguishes the following concepts: “internet”, “world wide web”, “cyber” “virtual”, “online”, and “offline”. Based on A. Filippov’s sociology of space, the author provides three answers to the question of whether internet is a space: 1) Internet is not spatially organized, however, space could be thematized in the internet; 2) There are specific spaces of interaction in the internet; (3) Internet is a space constituted by online routes. In concluding part of the paper, two types of online transnationalism are proposed: ‘routing transnationalism’ and ‘transnationalism of interaction spots’. The author concludes that these two types have to be viewed as ideal types of transnationalism.

Keywords: transnationalism, transnational migration, Internet, online, sociology of space

Acknowledgments. The study was supported by Russian Science Foundation, grant no. 18-78-10049.

Постановка проблемы

Цель настоящей статьи состоит в определении теоретических оснований ответа на следующий вопрос: *можно ли стать транснациональным мигрантом в интернете, не пересекая национальных границ?* При видимой парадоксальности (и некоторой искусственности) данный вопрос актуален как для социальной теории, так для осмысления наблюдаемых (но не всегда замечаемых) изменений в социальной реальности.

С точки зрения теории исследовательская задача состоит в том, чтобы понять, как транснационализм, связанный с пересечением пространственных границ, изменяется вслед за развитием новых средств коммуникации? В самом общем виде транснационализм определяется как нахождение одновременно «здесь» и «там» в социальном пространстве, которое охватывает два или более национальных государства. В исследованиях миграции транснационализм понимается как «процесс, посредством которого мигранты формируют и поддерживают многоцелевые социальные отношения, связывающие между собой страны их происхождения и проживания» [Basch, Glick-Schiller, Szanton-Blanc, 1994: 7]. Транснациональный подход представляет собой «попытку осмысления возрастающей «размытости» национальных границ, при этом фиксируя их все еще важное значение как основных «референтных точек» для транснациональных мигрантов» [Кивисто, Резаев, 2015: 9]. В нашу эпоху можно наблюдать рост транснациональных миграционных потоков, одна из важнейших причин чего — развитие средств коммуникации: транспорта, денежных переводов, мобильной связи, наконец, интернета. Здесь и возникает искомая задача: понять, как появление возможности взаимодействовать через интернет и «быть» в интернете влияет на формирование и поддержание транснационализма, связанного с границами национальных государств.

С точки зрения эмпирических проявлений многочисленные исследования фиксируют важность онлайн-взаимодействий для понимания миграционных процессов. Сегодня все больше исследователей миграционной тематики рассматривают проблемы, связанные с использованием новых медиа/информационно-коммуникационных технологий, которые становятся неотъемлемой частью повседневной жизни мигрантов и важным условием реализации решения о миграции (см. детальный обзор в работе [Andersson, 2019]). Появляются проекты, анализирующие влияние различных медиа на поддержание и трансформацию отношений между транснациональными мигрантами и теми, кого они оставляют на своей родине (на наш взгляд, самое значительное исследование в данном направлении — анализ «полимедиа» М. Мадьяну и Д. Миллера [Madianou, Miller, 2012]). Но меняется ли сам транснационализм, или существующие тенденции лишь дополняют его, не трансформируя его сущности? Здесь мы возвращаемся к искомой теоретической задаче, выделенной выше.

В данной статье мы не стремимся дать единый и единственный ответ на поставленный вопрос. Нам представляется, что на данном этапе необходимая концептуальная работа состоит в другом — в том, чтобы наметить аргументы, которые уточнят смысл вопроса и наполнят содержанием ответы на него: если можно стать транснациональным мигрантом в интернете, не пересекая национальных

границ, — то в каком смысле, если нельзя — то по каким причинам? Ранее исследовательским коллективом, к которому принадлежит автор настоящей статьи, был сформулирован тезис: транснационализм в режиме онлайн предполагает пребывание «здесь, там и где-то еще» [Starikov, Ivanova, Nee, 2018; Трегубова, 2019]. Сейчас мы ставим задачу определить, где может находиться это «где-то еще» и как оно связано со вполне реальным пространством национальных государств.

Прежде чем приступать к дальнейшему изложению, сделаем два замечания о том, в каком смысле мы ставим указанный вопрос, и что, следовательно, не является предметом нашего исследования.

Во-первых, вопрос об интернете как о пространстве уже поднимался в научной литературе. Следует назвать, к примеру, работу А. Маркхэм об интернете как инструменте, месте (place) и образе жизни [Markham, 2003]. Эта автор (а вслед за ней и многие другие) рассматривает «место»/«пространство» как метафору, позволяющую фиксировать те или иные свойства интернета. А. Маркхэм рассматривает интернет как место формирования сообщества, вовлечения во взаимодействие. Границы внутри него — это границы между сообществами и группами общающихся: «Место... определяется не физическими свойствами, а тем аспектом контекста, который относится к сообществу» [ibid.: 8]. В отличие от этого определения, мы формулируем вопрос не о том, насколько плодотворно сравнивать интернет с пространством, а о том, является ли интернет пространственным феноменом. Должно ли место взаимодействия с необходимостью мыслиться в категориях пространства? Ниже мы обсудим, в каких случаях вовлеченность во взаимодействие и чувство соприсутствия, возникающие при общении онлайн, конституируют восприятие некоторых частей интернета как места.

Во-вторых, хотя для нашего анализа релевантны понятия «транснационализм» и «национальное государство», в настоящей статье мы не рассматриваем проблематику национализма и не связываем себя с ее обсуждением. Транснационализм — это пространственный феномен, поскольку он связан с национальными государствами, которые «так крепко спаяны со своим пространством, что для других места на том же пространстве уже не остается» [Филиппов, 1995: 56]. Именно в этом отношении нам и интересны указанные понятия. Транснациональное пространство конституируется транснациональными практиками¹, которые, в свою очередь, укоренены в различных местах двух или более национальных государств: оставленный дом, съемная квартира, рабочее место, главная площадь города, продуктовые магазины, кафе, метро, залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и т. д. Кроме того, транснациональные практики связаны с обсуждением произошедших событий «здесь» и «там» с родственниками и друзьями, с рассказами о родине новым знакомым, с просмотром новостей в СМИ и т. п. Проблематика национализма, в свою очередь, включает анализ национальных идентичностей, «воображаемых сообществ», национальной идеологии, структур управления и иных

¹ Мы солидарны с позицией А. М. Степанова, который определяет транснациональные практики как «типичные (повседневные для данного типа мигрантов) институционализованные формы социальной активности, которые позволяют мигрантам одновременно участвовать в социальной жизни страны исхода и принимающего общества благодаря нахождению в транснациональном состоянии. К транснациональным практикам... относятся визиты на родину, денежные переводы, гражданское участие в жизни страны исхода (формальное и неформальное), формы взаимодействия с друзьями и родственниками в стране исхода и иные явления» [Степанов, 2018: 43—44].

явлений, связанных с возникновением и существованием современных национальных государств [Фабрикант, 2016], которые выходят за рамки данного исследования. Мы не будем включаться в дискуссию о том, можно ли почувствовать себя гражданином другого государства в смысле включенности в дискурс об этом государстве: нас интересует именно пространственный опыт.

Поставленный в начале статьи вопрос может быть расширен и распространен на опыт пересечения границ внутри национальных государств — при миграции из одного региона в другой. Понятно, что это имеет смысл, если регионы сильно различаются; гораздо менее понятно, что означает «сильно различаться» и как фиксировать это эмпирически. Данная проблема достойна отдельного исследования, укажем лишь на существующие исследования «транслокальности» [Капустина, 2017], в том числе ее проявлений онлайн [Карасева, 2018].

Дальнейшее рассуждение состоит из трех частей. Первая часть проясняет понятия и предлагает рабочие определения, связанные с онлайн-активностью. Вторая рассматривает вопрос, является ли интернет пространством. В третьей части сформулированные теоретические различия прилагаются к рассмотрению поставленного вопроса: можно ли стать транснациональным мигрантом «онлайн»?

Интернет, WWW, онлайн: определение понятий

Прежде чем приступать к рассуждениям о транснационализме в режиме онлайн, следует дать определение категории «онлайн», а также понятиям, которые часто употребляются синонимично с ней². Эта работа до некоторой степени была проделана П. В. Колозаридами [Колозаридами, 2014], наша статья отчасти опирается на результаты ее исследования, отчасти полемизирует с ними³.

Интернет — это инфраструктура в виде системы спутников и протоколов передачи данных (TCP/IP), которая связывает технические устройства. На базе интернета (еще с момента его зарождения в ЦЕРН⁴) существуют многочисленные системы передачи данных; то есть интернет — это суперсистема (система связей систем связи)⁵. Одной из таких систем выступает *всемирная паутина* (World Wide Web — WWW), которая основывается на принципах гипертекстового взаимодействия через Единый указатель ресурса (Uniform Resource Locators — URL). Далеко не весь интернет является гипертекстовым, но то, что обычно понимается под ним, приходится на гипертекстовый трансферный протокол.

² Мы благодарны В. С. Старикову за плодотворную дискуссию о различиях между искомыми терминами и о значении данных различий для социологического анализа.

³ Мы согласны с общим различием интернета как «сети компьютеров и других гаджетов и серверов, соединенных с помощью сетей и протоколов» [Колозаридами, 2014: 119], и понятиями «онлайн», «кибер», «виртуальный», которые фиксируют отдельные свойства того, что происходит в интернете и подобных сетях. Мы в целом согласны с исследовательницей и в трактовке понятия «виртуальный». Несколько по-иному мы трактуем понятия «онлайн» и «кибер», а также отношения между ними.

⁴ Европейская организация по ядерным исследованиям (Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire — CERN). В русском языке применяется аббревиатура ЦЕРН.

⁵ Следует различать интернет как феномен (систему систем связи) и интернет как предмет исследования. В области исследований интернета (Internet studies) вопросы ставятся о технологиях (в том числе — в терминах инфраструктуры), а также о способах использования и о политиках регулирования этих технологий [Dutton, 2013; Sandvig, 2013], что создает возможность расширенного понимания интернета. На наш взгляд, однако, более точным будет объединять эти исследовательские вопросы под рубрикой «интернет и общество», а понятие «интернет» использовать в более узком техническом смысле.

Кибер — это контекстуальный синоним, он объединяет все сетевые взаимодействия между техническими устройствами. Так, подключение к компьютеру по bluetooth — это кибердействие, но интернет в данном случае не нужен.

Виртуальный — это философский термин, который имеет к интернету побочное отношение. Виртуальный предполагает нечто в противовес реальному. В отношении интернета виртуальный — метафора, характерная для более ранних этапов его развития. Сегодня все чаще говорят не о виртуальной, а о дополненной реальности (и это тоже метафора).

Итак, что означает *онлайн*? «Онлайн происходит именно то, что связано с установлением соединения «онлайн»» [Колозариди, 2014: 119]. Онлайн — характеристика того, что происходит при одновременном подключении нескольких устройств в одну сеть. Мы используем данный термин для обозначения принципиальной возможности доступа и получения информации в любой момент времени; он связывает все опосредованные сетевыми технологиями способы взаимодействия, а не только взаимодействия в интернете. В отличие от термина «кибер», который фиксирует факт доступа, «онлайн» обозначает возможность доступа к информации, в том числе к информации от других агентов в режиме взаимодействия в реальном времени.

Для социолога важен следующий факт. Вследствие развития интернета и иных сетей возникают многочисленные способы и формы удаленного взаимодействия между людьми (а также между людьми и программами), которые формируются под воздействием обстоятельств социальной жизни и сами формируют ее облик. Именно из повсеместного распространения онлайн-практик возникает понятие *офлайн*: это все, что происходит «не онлайн» (прежде всего, при физическом соприсутствии).

Еще одна важная характеристика онлайн, которую следует зафиксировать, такова: «Данные онлайн находятся в обычном мире повседневных взаимодействий. Не нужно никакого особенного перевода, чтобы они оказались в так называемом онлайн. Когда телефон отмечает количество пройденных шагов и может прочертить карту ваших передвижений по городу, это является переводом данных из офлайна в онлайн» [там же: 122]. Эта характеристика дает нам важное концептуальное различие: пребывание онлайн может быть *более* или *менее* связано с офлайн-практиками как с точки зрения временных режимов (выходим ли мы онлайн на три минуты или на пять часов), так и по содержанию.

Обобщая, следует сказать, что почти все (но не все), что происходит онлайн, происходит при подключении к интернету. В дальнейшем изложении мы будем использовать эти слова как контекстуальные синонимы, что связано с решающим практическим значением интернета в сравнении с другими сетями. Однако не следует забывать, что в строгом смысле это разные феномены.

Завершая данный пункт, выделим три ключевых характеристики понятия «онлайн» с точки зрения их социологического анализа: 1) онлайн-взаимодействия — это удаленные взаимодействия; 2) в онлайн-взаимодействии в качестве среды и участников часто (все чаще) выступают агенты, наделенные искусственным интеллектом; 3) пребывание онлайн представляет собой возможность переходов по сети. Ранее мы рассматривали первую и вторую характеристики, связанные собственно со свойствами онлайн-взаимодействий [Резаев, Трегубова, 2018;

2019]. Здесь мы, не забывая о первых двух, сосредоточимся на третьей. Именно в связи с ней и возникает вопрос: является ли интернет пространством?

Является ли интернет пространством?

Для ответа на вопрос, является ли интернет пространством, нужно прояснить, что мы понимаем под пространством. Проблематика социологии пространства детально обсуждалась в работах А. Ф. Филиппова, к которым мы обратимся. Не ставя задачу полного изложения теоретических конструкций этого автора, выделим из них несколько положений, наиболее важных в рамках рассматриваемой проблемы.

Первым следует привести метатеоретическое замечание: «Кажется очевидным, что все социальное как-то расположено в пространстве, но преимущественный исследовательский интерес к этой стороне социальных систем, институтов, событий, процессов, действий и взаимодействий, коммуникаций и т. п. — совсем другое дело, нежели одно лишь признание очевидного факта» [Филиппов, 2009: 3]. Данное замечание справедливо и для сети: технические устройства, каналы связи и пользователи интернета где-то расположены, но как сформулировать по этому поводу социологическую проблему?

А. Ф. Филиппов постулирует интуитивную самоочевидность физического пространства: «Мы принимаем как не требующее доказательств, что пространство всегда доступно созерцанию и воображению и в этом смысле не нуждается в определениях» [Филиппов, 2009: 5]. Далее его аргумент развивается: «От объективного размещения тел и способов его тематизации наблюдатель отличает множество социальных определений участников взаимодействия и говорит о социальном пространстве как о *порядке единовременного многообразия, порядке сосуществования вообще...* Социальное пространство... с точки зрения пространства тел и мест тел оказывается метафорой, а с точки зрения общего понятия порядка — равноправной, наряду с пространством тел и мест тел, спецификацией» [Филиппов, 2009: 5]. Здесь необходимо зафиксировать два аспекта. Во-первых, пространство тел, которое интуитивно созерцается, — это лишь одна из спецификаций более общего понятия пространства. Это означает, что «пространство» может быть использовано как метафора для того, что не является собственно пространственным (в смысле самоочевидности физической территории). Во-вторых, понятие пространства предполагает одновременное существование некоторых (различных) объектов.

В развитие последнего тезиса необходимо отметить ключевую характеристику пространства: «Каждая часть пространства как такового уникальна, она немыслима во множественном числе. Именно это позволяет говорить о совершенно тождественных объектах — во всех прочих аспектах, кроме пространственного» [Филиппов, 1995: 56]. Как следствие, «любые два тела, все равно, одушевленные или неодушевленные, не могут находиться в одном и том же месте одновременно» [там же: 61]. Как мы увидим далее, эта особенность — камень преткновения при попытке концептуализации интернета как пространства.

Для аргументации этой особенности важно наличие фигуры наблюдателя (который в конечном счете оказывается и участником взаимодействия): «*Наблюдатель*

идентифицирует себя как того, кто занимает место в пространстве, и лишь постольку может наблюдать пространство чужого взаимодействия... Иметь место в таком случае значит для наблюдателя отличать свое место от других мест» [Филиппов, 2009: 6]. Фигура наблюдателя значима, поскольку предполагает рефлекссию о пространстве: «Присутствие наблюдателя позволяет другим участникам взглянуть на свое взаимодействие со стороны. Так или иначе, совершенно неотрефлексированное использование и определение пространства возможны только в диалогическом взаимодействии» [Филиппов, 1995: 61].

Наконец, А. Ф. Филиппов вводит различие между пространством как местом, пространством как местом мест и объемлющим пространством. «Наблюдатель может рассматривать пространство: а) как нечто обозримое, в том числе место данного тела или тел, и б) как большое пространство, обнимающее непосредственно созерцаемые места. Большое пространство, в свою очередь, может быть охарактеризовано как совокупность или вместилище мест и с) как необозримое, в принципе непостижимое для созерцания» [Филиппов, 2009: 5].

После проведенной концептуальной работы вернемся к нашему вопросу, который теперь сформулируем следующим образом: *как пространственно устроен интернет?*

Это парадоксальный вопрос. Очевидно, что компьютеры, соединенные в сеть, где-то находятся. При этом очевидно также, что специфика интернета состоит как раз в том, что важно не это «где-то», а доступ к информации, которая имеет смысловую, а не пространственную характеристику. Можно ли в таком случае дать аргументированный ответ на поставленный вопрос?

Сформулируем один тезис и два контртезиса в качестве альтернативных ответов.

(1) Тезис. *Интернет пространственно не организован, но в интернете пространство может быть тематизировано.*

Интернет — это прежде всего инфраструктура доступа к информации, а информация имеет смысловую природу. «Социология пространства связана с социологией тела; социология времени — с социологией смысла» [Филиппов, 1995: 53], в некотором отношении это противоположные установки. Тем не менее, очевидно, что пространство, в том числе пространство национальных государств, может быть тематизировано⁶ в рамках информационных обменов в интернете (так, тематизация постоянно происходит в СМИ — неважно, электронных или печатных). Следовательно, онлайн-коммуникации важны для социологии пространства в той мере, в какой они это пространство тематизируют. Для транснационального подхода интернет важен в той мере, в какой он способствует тематизации национальных государств, «поверх» которых образуется транснациональное пространство.

Данный тезис легко сформулировать, он, что называется, находится на поверхности вещей. Однако языковая интуиция отчасти ему противоречит: мы часто говорим об онлайн-пространстве, интернет-пространстве, о том, что мы находимся/что-то делаем онлайн/в интернете. Скрывается ли за данным словоупотреблением плодотворная метафора, или это банальная языковая неточность? На каких

⁶ Понятие тематизации мы также заимствуем из концепции А. Ф. Филиппова, где оно характеризует пространство как тему коммуникации наблюдаемых [Филиппов, 2008: 120].

основаниях можно утверждать, что «созерцание и постижение позволяют интерпретировать и онлайн как возможное место, не превращая наше взаимодействие с компьютером в чистое взаимодействие с вещью» [Колозариди, 2014: 120]?

Основным препятствием для концептуализации интернета как пространства является то обстоятельство, что два тела не могут находиться в одном пространстве одновременно. Информация же способна находиться сразу во многих «местах». Тысячи и миллионы пользователей могут в один и тот же момент просматривать определенный сайт — и они не «столкнутся» в одном пространстве. Следовательно, если мы хотим наполнить метафору интернет-пространства более-менее непротиворечивым содержанием, нам необходимо некоторым образом определить единственность нахождения в интернет-пространстве. И здесь, как представляется, возможны два решения⁷.

(2) Контртезис I. *В интернете существуют пространства, где люди являются участниками и наблюдателями социальных взаимодействий.*

Как было отмечено выше, пространство существует там, где есть участник и наблюдатель социальных взаимодействий. В социальных сетях или групповых онлайн-играх происходят социальные взаимодействия, каждый из участников которых обладает уникальной идентичностью, отличает себя от других, и другие также отличают его от себя. Поэтому можно рассматривать, скажем, Facebook как место, а именно место взаимодействия. Либо я там сейчас есть, либо меня там сейчас нет. Я могу находиться в разных частях этого места⁸: в переписке с друзьями, в чьей-то ленте новостей (наблюдая или комментируя), на своей странице (наблюдая или редактируя) и др. В этом смысле Facebook представляет своеобразное место мест. В одно время я могу быть только в одном месте, и это место я занимаю при условии, что я вхожу в свой аккаунт. В качестве примера рассмотрим комментарий к публикации. Даже если два пользователя одновременно читают новость и пишут к ней комментарии, то чей-то комментарий отобразится раньше, чей-то — позже. При этом они займут разное место в списке комментариев (подобно тому, как в диалоге одна реплика воспринимается как первая, другая — как последующая).

Здесь следует добавить еще одно замечание: социальное взаимодействие предполагает взаимодействие тел⁹. Проявляется ли телесный аспект в он-

⁷ Исключают ли предлагаемые решения друг друга? Как будет видно далее, эти решения предполагают разное понимание пространства, однако логического противоречия между ними нет.

⁸ В компьютерных играх, если игра представляет игроку убедительную модель физического пространства, части пространства с точки зрения наблюдателя-игрока являются почти буквальными.

⁹ В социологии пространства А. Ф. Филиппова тело определяется через пространство — как «смысловой комплекс, означающий способность пребывать в пространстве, занимать место» [Филиппов, 2008: 261]. С этим «смысловым комплексом» можно работать по-разному, и в социальных науках существуют разные традиции исследования телесности. Здесь телесность интересует нас как условие взаимодействия, поэтому мы опираемся на дюркгеймианско-гофманнскую традицию [Резаев, Трегубова, 2017], которая нашла наиболее полное и систематическое развитие в теории ритуалов взаимодействия Р. Коллинза [Collins, 2004]. В рамках данной традиции телесное присутствие и ритмическая со-настройка общающихся являются важнейшими компонентами взаимодействия. При удаленных взаимодействиях присутствие и со-настройка не исчезают: они лишь достигаются ограниченными средствами, такими как скорость печати, телесная манипуляция техническими устройствами, пересылка фотографий и голосовых сообщений и т. д. (обсуждение применимости теории Коллинза к анализу онлайн-взаимодействий см. в. [DiMaggio et al., 2018]). При этом, как мы отмечали выше, не следует отождествлять вовлеченность во взаимодействие и собственное пространственный опыт: последний предполагает, помимо прочего, что два тела не могут находиться в одном месте одновременно.

лайн-взаимодействиях? Мы полагаем, что проявляется — вполне ощутимо, хотя и в меньшей степени, чем при взаимодействии лицом к лицу. Собственные действия (написание текста сообщения, пролистывание страницы, управление джойстиком в компьютерных играх) — это вполне телесные действия, причем их наборы связаны с определенным способом или способами онлайн-взаимодействий. Телесные действия другого участника взаимодействия воплощаются в скорости и ритмике ответов, в длине сообщений, в использовании смайлов и знаков препинания (которые воспринимаются как интонации голоса, смех, паузы и т. п.), иногда в голосовых сообщениях. Таким образом, телесность не исчезает.

Производным тезисом в рамках данного контртезиса является следующий: Web 1.0 не был пространством, а в Web 2.0 пространства существуют. До начала 2000-х годов интернет представлял собой собрание информационных материалов, пассивно воспринимаемых пользователями; с 2000-х годов благодаря развитию технологий и смене организующих принципов работы значительная часть информации генерируется самими пользователями при их взаимодействии друг с другом.

Разумеется, предложенная метафора имеет ограничения. Так, не совсем понятно: что значит в таком случае «поменяться местами»? Ясно, что это не означает поменяться аккаунтами (в этом случае была бы смена идентичности). Возможно, наблюдатель представляет, что он поменялся бы местами с кем-то, если бы выполнил сходное действие (поставил лайк или написал первым комментарий, оказавшись «там», увидев обновление). Но здесь, по сути, мы говорим о временном, а не о пространственном измерении (точнее, восприятие места другого участника взаимодействия зависит от последовательности его/ее действий). Тем не менее мы полагаем, что сочетание уникальной идентичности и разных мест внутри места взаимодействия (будь то социальная сеть, компьютерная игра или другой способ организации взаимодействия в интернете) делает, в теории, метафору пространства вполне применимой к некоторым частям интернета. Насколько сами участники взаимодействия воспринимают эти части сети как пространства — вопрос эмпирический.

(3) *Контртезис II. Интернет представляет собой пространство, а именно пространство возможных маршрутов.*

Рассмотрим еще один тезис А. Ф. Филиппова: «Может случиться так, что наблюдатель, собственно, не имеет места статического пребывания, но имеет определенный маршрут перемещений... [Тогда] место не синтезируется через маршруты, но определяется как место маршрутов. В свою очередь, другие наблюдатели также могут быть не статичны, но перемещаться. Таким образом, место оказывается не тем смысловым единством, каким оно могло представляться прежде, не усложнением простой, в сущности, идеи о некоторой позиции внутри все того же огромного контейнера, но подвижным местом в подвижной системе взаимодействий и наблюдений подвижных наблюдателей» [Филиппов, 2009: 7—8]. Наша активность в интернете, собственно, и характеризуется постоянными перемещениями: я начинаю «здесь», потом перехожу «сюда», «отсюда» — «туда» и т. д. Можем ли мы в таком случае говорить об интернете как о пространстве не статичных мест, но возможных маршрутов?

По-видимому, языковая интуиция фиксирует именно этот смысл в словах «в интернете»/«онлайн». Но как быть с единственностью занимаемого пространства? Возможно, единственность определяется уникальностью типичных (рутинизированных) маршрутов для меня как пользователя: да, мы можем одновременно находиться в одном месте, однако из этого места я пойду в одну сторону, а ты — в другую. Поскольку движение имеет более важное значение, чем остановки в пути, восприятие уникальности пространства при этом может и не нарушаться. Уникальность же определяется отчасти содержательной деятельностью самого пользователя, отчасти — алгоритмами, которые регистрируют историю сетевых траекторий данного устройства/аккаунта, создавая «эффект колеи»: я пойду туда, где уже раньше был/была. При этом в пространстве интернета, понимаемом как пространство маршрутов, можно бродить в одиночку, а можно встречаться с другими фланерами. А поскольку интернет (Web 2.0) создается в значительной степени самими пользователями, в ходе своих блужданий я становлюсь наблюдателем социальных взаимодействий или их результатов, даже если не участвую в них.

Как и в случае с первым контртезисом, эта наша конструкция умозрительная, и плодотворность применения метафоры остается эмпирическим вопросом. «В действии имеет силу не понятие, не образ, не общее представление о пространстве. В нем применяется практическая схема пространства, позволяющая перемещаться с места на место и воспринимать данное место как одно из множества принципиально возможных» [Филиппов, 2008: 193]. Для кого и в каких случаях это имеет место применительно к интернет-пространству — вопрос для отдельных эмпирических исследований.

Выводы: как возможен транснационализм в режиме онлайн?

Теперь мы можем вернуться к вопросу, сформулированному в начале статьи: можно ли стать транснациональным мигрантом в режиме онлайн?

Поставим более общий вопрос: когда транснационализм возникает и поддерживается онлайн? Тогда, когда то, что происходит онлайн, тесно связано с местами (пространствами) в национальных государствах. Но при каких условиях и в каких формах такое возможно? Здесь нам пригодится различие между утверждениями (1), (2) и (3), сформулированными в предыдущем пункте.

Говоря об онлайн-активности в смысле утверждения (1), мы приходим к справедливому, но банальному выводу: значительная часть транснациональных практик, в которых тематизируются национальные государства, проходит онлайн. Это, прежде всего, общение с родными и друзьями в интернете и использование электронных СМИ. Данные практики поддерживают и даже усиливают транснационализм, но не дают основания ожидать изменения сущности транснациональной миграции. Тем более нельзя стать транснациональным мигрантом без пересечения границ: в интернете можно многое *узнать* о другом национальном государстве, но нельзя в этом государстве *оказаться*.

Принятие утверждений (2) и (3) дает больше оснований для констатации принципиальной новизны транснационализма в эпоху Web 2.0. Сформулируем гипотезу о существовании двух типов транснационализма в режиме онлайн: транснацио-

нализм маршрутов (если мы принимаем (3)) и транснационализм мест взаимодействий (если принимаем (2)).

Транснационализм маршрутов связан с серфом по интернету, который проходит по маршрутам, охватывающим сайты, где тематизируются два или более национальных государства, включая опыт пребывания в них. Ключевые вопросы здесь следующие. Насколько разница между структурой и содержанием сайтов определяется национальными государствами? Насколько ими задается структура переходов (сами маршруты)? Насколько легко попасть из одного «национального уголка» сети в другой? Наконец, насколько сильно тематизируется само пространство национальных государств?

Транснационализм мест взаимодействий связан с пребыванием в местах, где происходят онлайн-взаимодействия, тематизирующие два или более национальных государства, включая опыт пребывания в них. В данном случае важны именно опыт пребывания, интенсивность тематизации и переживания этого опыта во взаимодействии. Если при транснационализме маршрутов мы говорим о пространстве интернета, которое отображает пространства национальных государств и связи между ними, то при транснационализме мест взаимодействий важны места встреч, контактов, обмена информацией и опытом между представителями разных национальных государств. В первом случае транснационализм создается общей структурой переходов, во второй — взаимодействием в конкретных местах.

Ясно, что оба выделенных типа способствуют поддержанию и даже усилению уже существующего транснационализма, но позволяют ли они стать транснациональным мигрантом, не пересекая географических границ? Нам представляется, что в предельном случае позволяют: или через опыт путешествий по переплетенным национальным пространствам внутри интернет-пространства маршрутов, или через переживание опыта транснациональных взаимодействий. Однако эмпирически это требует очень строгих (невероятных) условий, поэтому более плодотворно рассматривать транснационализм маршрутов и транснационализм взаимодействий как идеальные типы в веберовском смысле слова [Вебер, 1990].

Существуют ли транснациональные пространства онлайн, удовлетворяющие искомому требованию хотя бы отчасти? Это эмпирический вопрос, который требует отдельных исследований, в том числе наших собственных. Однако уже сейчас можно высказать предположение, что воспринимаемое единство интернета, возможно, преувеличено, многое в его разнообразии определяется пространственными границами¹⁰. Национальные (региональные) социальные сети выглядят и воспринимаются по-разному; один и тот же язык (будь то русский, английский или другой) имеет национальную и региональную специфику употребления в разных частях интернета, поэтому люди не всегда могут понять друг друга; поисковики разных стран ищут информацию по-разному, обучаясь на выборках разных пользователей, и т. д. В этом отношении сформулированные идеальные типы позволяют

¹⁰ При этом интернет, безусловно, глобален. Следует вспомнить о парадоксальности процессов глобализации: «Глобальное пространство предполагает движение — поскольку оно размежевано, изборождено. Глобальное пространство предполагает, однако, отсутствие движения — именно потому, что оно гладкое, без рубежей и препятствий. Оно оборачивается то тем, то другим, и нельзя говорить о преобладании одной характеристики. Но зато о каждой из них можно говорить по отдельности» [Филиппов, 2012: 17].

зафиксировать важные (пусть и не преобладающие) тенденции. А именно этого мы и хотим от социальной теории.

Список литературы (References)

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 345—416
Weber M. (1990) The Objectivity of the Sociological and Social-Political Knowledge. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress. P. 345—416. (In Russ.)

Карасева А. Транслокальный Магадан: виртуальное соседство в ВК-паблике «MGDN Магадан» // Бельская Е., Бородулина А., Герасимова А., Глазков К., Дорофеева О., Карасева А., Королева Д., Ляликова Д., Миронова Т., Орехов Б., Паукова А., Пишлэгер К., Томилова Е., Тренихина М., Фомичева Т., Чумакова В. Интернет по ту сторону цифр : сб. ст. конф. М. : Литрес, 2018. С. 51—64.
Karaseva A. (2018) Translocal Magadan: Virtual Neighborhood in VK-Public «MGDN Magadan». In: Belskaya E., Borodulina A., Gerasimova A., Glazkov K., Dorofeeva O., Karaseva A., Koroleva D., Lyalikova D., Mironova T., Orekhov B., Paukova A., Pishleger K., Tomilova E., Trenikhina M., Fomicheva T., Chumakova V. *Internet Beyond Numbers: coll. of conf. art.* Moscow: Litres. P. 51—64. (In Russ.)

Капустина Е. Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. 2017. Т. 397. № 5. С. 26—34.
Kapustina E. L. (2017) Between The North and The Land: Road from West Siberia to Dagestan as an Element of Social Space og Translocal Migrant. *Sotsiologicheskie Issledovania*. Vol. 397. No. 5. P. 26—34. (In Russ.)

Кивисто П., Резаев А. В. Введение // Современные проблемы исследований миграции и транснационализма / под ред. П. Кивисто, А. В. Резаева. СПб. : ООО «Типография Палитра», 2015. С. 7—14.
Kivisto P., Rezaev A. V. (2015) Introduction. In: Kivisto P., Rezaev A. V. (eds.) *Current Issues in Transnationalism and Migration Studies*. St. Petersburg: ООО «Tipografija Palitra». P. 7—14. (In Russ.)

Колозариди П. В. Чем онлайн отличается от офлайна и какой теоретический смысл есть в этом различии // INTER. 2014. Т. 1. № 7. С. 117—123.
Kolozaridi P. V. (2014) What is the Difference between Online and Offline and What Theoretical Sense is in This Difference. *INTER*. Vol. 1. No. 7. P. 117—123. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 1. С. 25—45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019) New Media and 'Smart Things': How Do New Technologies Objectify the Distinction between Social Intercourse and Communication? *Bulletin of Moscow State University. Ser. Journalism*. No. 1. P. 25—45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545>. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Социология общения в поле социальных наук // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 133—162. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-133-162>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2017) The Sociology of Social Intercourse in the Social Sciences. *Russian Sociological Review*. Vol. 16. No. 2. P. 133—162. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-133-162>.

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 4. С. 5—21.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2018) An Explorative Potential and Limits of Niklas Luhmann's Systems Theory for Studying Interplay Online. *Communications. Media. Design*. Vol. 3. No. 4. P. 5—21. (In Russ.)

Степанов А. М. Транснациональные практики: к вопросу об определении понятия // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 38—49. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876>.

Stepanov A. M. (2018) Transnational Practices: On the Issue of Defining the Concept. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 10. P. 38—49. (In Russ.) <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876>. (In Russ.)

Трегубова Н. Д. Можно ли стать мигрантом в интернете? Как онлайн-культура меняет транснациональную миграцию в XXI веке // Молодежь XXI века: образ будущего / Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14—16 ноября 2019 года. / Отв. редакторы: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2019. С. 494—495.

Tregubova N. D. (2019) Is it Possible to Become a Migrant in the Internet? Impact of On-line Culture on Youth Migration in the XXI century. In: Skvortsov N. G., Asochakov Yu. V. (eds.) *The Youth of the XXI century: The Image of the Future. Proceedings of XIII Kovalevskie Chtenia*. St. Petersburg: Skifia Print. P. 494—495. (In Russ.)

Фабрикант М. С. Сравнительные количественные исследования наций и национализма: вечный поиск теоретических оснований // Современные проблемы исследований транснационализма и миграции / под ред. А. В. Резаева, П. Кивисто. 2016. Т. II. СПб. : Скифия-принт. С. 29—42.

Fabrykant M. S. (2016) Comparative Quantitative Research on Nations and Nationalism: Perpetual Search of Theoretical Foundations. In: Rezaev A. V., Kivisto P. (eds.) *Current Issues in Transnationalism and Migration Studies*. Vol. II. St. Petersburg: Skifia-Print. P. 29—42. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. 2012. № 5. С. 8—23.

Filippov A. F. (2012) Paradoxical Mobility. *Otechestvennyye Zapiski*. No. 5. P. 8—23. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 3—15.

Filippov A. F. (2009) The Applied Sociology of Space. *The Russian Sociological Review*. Vol. 8. No. 3. P. 3—15. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб. : Владимир Даль, 2008.

Filippov A. F. (2008) Sociology of Space. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45—69.

Filippov A. F. (1995) The Elementary Sociology of Space. *Sociologicheskij Zhurnal*. No. 1. P. 45—69. (In Russ.)

Andersson K. B. (2019) Digital Diasporas: An Overview of the Research Areas of Migration and New Media Through a Narrative Literature Review. *Human Technology*. Vol. 15. No. 2. P. 142—180. <https://doi.org/10.17011/ht/urn.201906123154>.

Basch L., Glick-Schiller N., Szanton-Blanc C. (1994) Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. New York: Gordon and Breach.

Collins R. (2004) Interaction Ritual Chains. Princeton University Press.

DiMaggio, Bernier C., Heckscher C., Mimno D. (2018) Interaction Ritual Threads: Does IRC Theory Apply Online? In: Weinger E. B., Lareau A., Lizardo O. (eds.) *Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins*. Routledge. P. 99—142.

Dutton W. H. (2013) Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field. In: *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press. P. 1—23.

Madianou M., Miller D. (2012) Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia. London: Routledge.

Markham A. N. (2003) Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet: Tool, Place, Way of Being. URL: <https://annetmarkham.com/writing/MarkhamTPW.pdf> (accessed: 06.12.2019).

Sandvig C. (2013) The Internet as Infrastructure. In: *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press. P. 86—106.

Starikov V. S., Ivanova A. A., Nee M. L. (2018) Transnationalism Online: Exploring Migration Processes with Large Data Sets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 213—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.17>.